

15 сентября - Священномученика Евфимия (Горячева), протоиерея († 1937), проходил по групповому делу епископа священномученика Дамаскина (Цедрика).

... Однажды вооруженный отряд стал обстреливать Большой Улуй (где служил о. Евфимий), стреляли так сильно, что кое-какие дома начали загораться. Матушка Александра собрала детей и спустилась с ними в подпол, а о. Евфимий сказал: – Я иду в храм. За ним увязалась старшая дочь Антонина, схватилась за рясу, не отпускает. Пришлось идти вместе. Пожар был местами уже столь силен, что у о. Евфимия от жара вспыхивали волосы на голове. Отец Евфимий вошел в храм, прошел в алтарь, открыл Царские врата и начал молиться. Только двое было их в храме: священник у престола и ребенок на коленях перед алтарем. Девочка плакала и просила Бога их всех пожалеть. Отец Евфимий говорил впоследствии: «Это детская молитва спасла село».

... После заключения о. Евфимия в тюрьму к нему в камеру посадили осведомителя, который стал убеждать священника отказаться от сана. На его доводы о. Евфимий ответил:

– Может быть, будет время, когда нас будут возить под соломой, чтобы совершать службы в подвалах или даже ямах, и тогда я не брошу служить. Были в древности такие периоды, когда христиан сжигали, но несмотря на это, в катакомбах, в подвалах христиане остались, и христианство восторжествовало.

... На Рождество Христово о. Евфимий служил в своем доме, в новоустроенной домашней церкви. Присутствовало человек двадцать. В конце службы он сказал в проповеди:

– Братья и сестры, нам приходится служить воровски, как изгнанникам, и в этом виноваты вы сами, своим слабоверием, тем что отступили от Церкви. Вы все боитесь. Вы пугаетесь, если кто вам покажет мизинец, а если уж топнет ногой, то вы от страха в землю готовы зарыться, а нужно все невзгоды переносить с терпением, как наши апостолы, как терпели старообрядцы при царском правительстве, они готовы были тайно в соломе перевозить священников, чтобы только служить. Вот и нам, возможно, придется служить и в тайге, и в подполье, все терпеть, все переносить.

... Приближался Великий пост, и о. Евфимий решил служить открыто, во всяком случае, в первую неделю поста, на Вербное воскресенье и на Пасху, а после, как Бог даст. Отвратительным раболепством было бы отказаться от церковной службы на Пасху. Верующие собрались в дом священника пораньше, человек тридцать. Началась пасхальная

заутреня; около двух часов ночи в дом ворвались сотрудники НКВД с обыском. Все присутствовавшие были переписаны, а священник арестован. При обыске у священника изъяли личную переписку, церковную книгу с регистрацией рождений, смертей и браков, приходно-расходную книгу, церковную кружку, в которой было сто пятьдесят рублей, тысячу двести свечей, семьдесят крестильных крестиков, пятьдесят пять книжечек для церковных поминаний и ветхую ризу. Пересмотрев все отобранное, власти обнаружили, что священник аккуратно вел все записи рождений, браков и смертей. Сравнили их по книгам, хранящимся в сельсовете. Обвинили священника, что вопреки запретам советской власти он вел «регистрацию гражданского состояния» и тем «вредил советскому государству, втягивал в преступления часть колхозников и трудящихся единоличников...».

... В лагерной больнице он успел отправить домашним последнее письмо. Писал, что состояние его здоровья тяжелое, кроме того, потерял очки и их раздавили, так что он теперь слепой. Украли обувь, белье и, наверное, выбросят из больницы раздетым, потому что его надо кормить, а он уже числится не за лагерем, а за оперчастью, как подследственный. Отец Евфимий был расстрелян 15 сентября 1937 года.

Иным был путь друга о. Евфимия **священника Никиты Сторожева**, также принявшего смерть в заключении. Окончил учительскую школу. Избрав путь священства, он должен был жениться, но не было у Никиты невесты, и был он настолько стеснительного характера, что с девушками не знакомился. Поехал он искать невесту в Пензу в институт благородных девиц. Женихи в пансион ездили часто, но прежде чем отдать невесту, начальство пансиона наводило о женихе и его семье

самые подробные справки, так как одание за жениха с плохой репутацией могло повредить репутации пансиона. Никите Сторожеву показали будущую невесту, она ему понравилась, поехали к ее родителям, и те благословили венчаться. Они обвенчались. Но оба оказались настолько стеснительны и стыдливы, что всю жизнь прожили как брат и сестра. Но без детей не остались.

Пришла однажды к Валентине девушка, помогавшая ей по хозяйству, и сказала:

– Матушка, женщина просится пустить ее в баньку. Дело было зимой. Валентина без раздумий сказала:

– Почему в баньку? Пускай идет в дом.

– Она не хочет, она хочет в баньку, – ответила девушка.

– Ну, может, она хочет помыться, – недоумевала Валентина, – тогда помоги ей.

Прошло два дня, и девушка со смущением сказала:

– Матушка, стыдно сказать, но у нас ребенок в баньке появился.

– Это надо же, – говорит Валентина, – ну так покорми его.

– Я все сделала. Женщина просит оставить ребенка на несколько дней, пока она на работу устроится.

– Хорошо, пусть оставит. Надо будет только как-нибудь обо всем этом отцу Никите сказать.

Сели они за стол ужинать. Валентина хочет сказать и не может, так что уже и о. Никита заметил и спрашивает:

– Вы, наверно, хотите мне какой-то вопрос задать?

– Да, хочу, – едва выговорила она.

– Пожалуйста.

– Батюшка, у нас ребеночек есть.

– Какой ребеночек?

– Вот попросилась одна женщина и в баньке оставила ребеночка.

– Ну оставила, так надо крестить. Когда родился ребеночек? – И посмотрел в святцы. – Прокопий будет.

Так и окрестили ребеночка. И стал он у них как родной, из прихожан и не сомневался никто, что это их сын. А женщина не вернулась.

Когда мальчику было лет шесть, через село Большой Улуй, где служил тогда о. Никита после того, как о. Евфимия перевели настоятелем в Ачинск, проезжал обоз с детьми. Везли корейских детей, круглых сирот. Стоял обоз в селе несколько дней. И вот шли о. Никита с женой и маленьким Прокопием мимо обоза. Видят, на телеге лежат, как полешечки, дети, завернутые в тряпье. Ротики открывают, голодные. Возчик, сопровождавший их, говорит:

– Люди, возьмите по ребеночку, воспитайте. Ведь это круглые сиротки погибают. Ведь они маленькие, их кормить надо!

Прокопий подошел к телеге, взял матушку за руку и сказал:

– Мамочка, возьмем одного ребеночка! Она отвечает:

– Которого?

– А вот этого.

– Ну, раз ты выбрал... братика... или сестричку – мы дома посмотрим... Взяли, оказалась девочка. Назвали Марией, крестили. Воспитывали как свою, всему ее научили. И были эти дети о. Никите и матушке Валентине как родные и великим утешением – благодарное детское сердце глубоко отзывалось на истинную любовь, какую они видели со стороны священника и его жены.

Отца Никиту арестовали в 1935 году. Он проходил по делу священника отца Евфимия (Горячева), до него служившего в Большом Улуе (память также 15 сентября). На допросах он твердо отрицал все обвинения выдвинутые против друга. Вновь его арестовали в 1936 г. после того, как окрестил ребенка. В лагере в 1939 г. о. Никита тяжело заболел. Перед смертью написал жене: «Приезжай родная, простимся...». Валентина срочно собралась и поехала, и они еще раз в этой жизни увиделись. Администрация лагеря разрешила жене взять его тело для погребения.